

Voprosy istorii
2004-10-31VPI-No. 010
Size: 81.7 Kbytes .
Pages:22-42.
Words: 10907

Статья. 1937-1938: КРАСНАЯ АРМИЯ В ДОНЕСЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЕННЫХ АТТАШЕ
Автор: Ф. ДЕССБЕРГ, О. Н. КЕН>

В изучении сталинских репрессий в отношении Красной армии достижения последних лет связаны преимущественно с разработкой архивов Наркомата обороны, Военной коллегии Верховного суда и Главной военной прокуратуры СССР (и отчасти материалов следственного производства НКВД)¹ или же с обобщением и систематизацией частных исследований, мемуарных свидетельств и документальных публикаций². Приходится признать, что до выявления внутренних пружин, приведших в действие механизм самоистребления советской элиты, в том числе уничтожения командных кадров РККА, еще далеко. Такое положение побуждает искать новые эвристические резервы в сфере феноменологического анализа - исследовать самопонимание эпохи, включая объяснения и концепции, предложенные участниками и свидетелями событий.

В своих наиболее существенных аспектах трагедия РККА 1936 - 1938 гг. смыкается с другой областью повышенного общественного внимания - ролью советского фактора в происхождении второй мировой войны. Внешняя политика и военные планы СССР в конце 30-х годов, их соотношение с внутренним политическим кризисом остаются слабо изученными, что открывает широкий простор для интерпретаций³. Осмысление европейскими политиками и государственными деятелями последствий советского кризиса 1937 - 1938 гг. (и в особенности "чистки" Красной армии) редко становилось объектом специального исследования⁴. Необходим целенаправленный анализ внешнеполитического, идейно-психологического и институционального контекста, который воздействовал на восприятие событий самими наблюдателями и на отношение к их выводам со стороны руководства, ответственного за принятие политических и военных решений.

Материалом для такого критического анализа могут служить доклады и донесения французских военных атташе в Москве Л. Симона и О. -А. Паласса, дополняющие введенные в научный оборот иностранные источники о политических репрессиях в РККА⁵. Суждения Симона и Паласса основаны на широком видении международных и внутренних советских событий, осознании неотделимости проблемы репрессий в Красной армии от общеполитического процесса - кризиса советского режима в 1936 - 1938 годах.

Дессберг Фредерик - преподаватель истории, Военная академия Сен-Сир. Франция; <Кен> Олег Николаевич - кандидат исторических наук, преподаватель Европейского университета в Санкт-Петербурге.

стр. 22

Основные использованные нами материалы хранятся в фондах московского атташата Исторического отдела сухопутной армии Франции (Венсенн)⁶. Материалы западных дипломатических служб существенно отличаются от докладов и дневников представителей Наркоминдела за рубежом, которые прилежно фиксировали содержание даже малозначительных бесед с местными политиками и членами дипломатического корпуса, однако чем дальше, тем больше воздерживались от формулирования собственных взглядов. Донесения французских дипломатов, в том числе военных атташе, ориентировались на традиционные требования, согласно которым главное внимание уделялось корректному представлению фактов, умелому изложению и аргументации. Благодаря этому, наряду с информацией (в ряде случаев дополняющей сведения, известные по советским источникам) доклады французских военных атташе содержат интерпретацию причин и последствий "чистки" советских вооруженных сил. При этом об источниках, которыми пользовались Симон и Паласа, часто остается лишь догадываться.

Л. Симон и первый год "большого террора" (осень 1936 - осень 1937 гг.). В октябре 1934 г., вследствие отзыва полковника Мендра - первого официального военного представителя Французской республики в СССР, функции атташе перешли к его заместителю подполковнику пехоты Л. Симону. Уроженец Седана, кадровый офицер, Симон после окончания войны прошел подготовку в Высшей военной школе, работал в Генеральном штабе, а с 1929 по 1933 гг. проходил службу в Марокко. После короткой специальной подготовки, включавшей изучение русского языка, он был направлен в Москву. Посол Ж. Альфан и атташе Мендра ценили работавшего с ними корректного офицера, хорошо ориентировавшегося в советской действительности. 2-му бюро нравились деловые качества Симона и его неприязнь к большевизму. В отличие от Мендра, к деятельности которого Генеральный штаб не проявлял большого интереса и который являлся "московским оком" де Латтра8 и его единомышленников, Симон работал в тесном контакте со 2-м бюро.

С начала 1930-х годов советское руководство не только не скрывало быстрого наращивания военной мощи, но и всячески демонстрировало его, не боясь смелых преувеличений. Это побуждало Симона с настороженностью воспринимать информацию, исходившую с советской стороны, - показы учений, военно-учебных заведений и парады. Январские учения 1935 года атташе оценил как организованные в чисто пропагандистских целях и изобилующие тактическими ошибками, посещение училища связи в Ленинграде в 1936 г. - как организованное для него шоу. Симон был близок к истине, отказываясь считать праздничные парады показателем действительного состояния советских вооруженных сил⁹. Атташе отмечал бесспорный прогресс в перевооружении Красной армии. Однако неразвитость военной инфраструктуры, прежде всего путей сообщения, грозила свести на нет усилия по повышению маневренности войск. Современные исследования в целом подтверждают эти наблюдения Симона¹⁰. 2-е бюро было удовлетворено вниманием своего представителя к проблемам наступательной способности советской армии и аналитичностью его докладов.

С осени 1936 г. Симону пришлось столкнуться с новой проблемой. В отчете за август-сентябрь 1936 г.¹¹ он констатировал, что приговор, вынесенный лидерам "право-троцкистского террористического центра", не означает завершения репрессий против внутренних врагов. Внешнее затишье после того, как на открытом процессе прозвучали имена А. И. Рыкова, Г. Л. Пятакова, Н. И. Бухарина, атташе считал следствием неблагоприятных для СССР зарубежных откликов. "Согласно некоторым слухам, - отмечал он, - в различных слоях населения и даже в армии производятся аресты, однако точных сведений на эту тему получить невозможно". Единственным серьезным подтверждением начинающихся репрессий в Красной армии, Симон считал информацию об аресте военного атташе в Лондоне комкора В. К. Путны, вызванного в СССР для подготовки приезда британской военной миссии на Белорусские маневры (Путна действительно был арестован 20 августа).

стр. 23

Возвращаясь к августовскому показательному процессу, французский атташе высказывал следующие общие соображения:

"Хотя не вызывает сомнений, что в обвинении содержалась часть истины, жестокость репрессий имела более глубокие действительные причины, чем прозвучавшие в ходе судебных прений. Вспоминая эпизоды борьбы между И. В. Сталиным и Л. Д. Троцким, можно думать, что недавний процесс является еще одним проявлением борьбы сторонников стабилизации советского режима против идеологической тенденции истинных большевистских революционеров, приверженных догме перманентной революции. ...Московские руководители, вероятно, желали нанести показательный удар по этим умонастроениям, дабы свирепствующая ныне в стране болезнь не приняла отчетливые и открытые формы. Может быть, стоит задаться вопросом, не озабочен ли Сталин, подавляя или уничтожая находившихся у власти деятелей, чьи политические концепции отличаются от допускаемых ныне, тем, чтобы обеспечить продолжение своего труда".

Таким образом, Симон поначалу склонялся к позитивной интерпретации новой волны политического террора. В конфликте, понимаемом как столкновение революционного коммунизма и сталинского прагматизма, его симпатии были на стороне последнего. Следующий доклад Симона, датированный началом декабря, свидетельствует, что он не ожидал вредного воздействия ширящейся кампании против "троцкистов" и "саботажников" на состояние военной мощи СССР, даже несмотря на зафиксированный им факт арестов руководителя военной промышленности Пятакова, комкоров В. М. Примакова (14 августа) и С. А. Туровского (2 сентября), комдива Д. А. Шмидта (9 июля).

Атташе сообщал о растущей сдержанности "московских кругов" в отношении контактов с иностранными гражданами, об арестах иностранцев и судебном процессе в Новосибирске, на котором среди обвиняемых в контрреволюционных преступлениях фигурировал немецкий инженер. В общем, полагал Симон, советские

руководители стремятся создать в общественном мнении представление о связях между арестованными советскими гражданами и "зарубежными организациями, враждебными московскому правительству". Подразумевалось, что французам беспокоиться не о чем. Симон ошибался. Французское посольство оставалось в неведении о попытке выдвинуть обвинение в антисоветской деятельности против посла Франции в СССР в 1933 - 1936 гг. Альфана. С таким предложением, ссылаясь на беседы между расстрелянным Л. Б. Каменевым и Альфаном, выступил на пленуме ЦК ВКП(б) в декабре 1936 г. глава Совнаркома В. М. Молотов¹².

В начале 1937 г. Симон пришел к выводу, что политическая чистка начинает захватывать высший эшелон государственной власти. Работать атташе приходилось почти наощупь; даже произведенные летом аресты ряда военных оставались государственной тайной. Слухи о "многочисленных арестах, произведенных среди населения и даже среди армии, где они захватили политические кадры", Симону не удалось подтвердить. Из "серьезного источника" он узнал, что Ворошилов, получая многочисленные письма о бедственном состоянии крестьянства, доложил Сталину о "последствиях, которые в случае мобилизации может иметь недовольство сельского населения". Нарком якобы советовал Сталину обратить внимание на трудное положение крестьян и внести необходимые изменения в "сельскохозяйственный режим". "Впрочем, открытая оппозиция со стороны Ворошилова мало правдоподобна". Версия о Ворошилове как защитнике крестьянских интересов появилась в западных аналитических и разведывательных сообщениях еще в 1927 - 1928 годах. Приехавший в СССР лишь двумя годами ранее Симон воспринял старые слухи как правдоподобное объяснение.

Другой военной фигурой, привлекавшей к себе внимание наблюдателей, был заместитель наркома обороны М. Н. Тухачевский. Повышенный интерес французской миссии в Москве к судьбе Тухачевского был связан и с

стр. 24

мнением о его профранцузской ориентации. Упоминание имени маршала на январском показательном процессе и давняя дружба с Путной не сулили Тухачевскому ничего хорошего. Его отсутствие, телеграфировало посольство в МИД 10 февраля 1937 г., означало исчезновение "противовеса несомненному германофильству Егорова"¹³. В отчете, датированном 3 марта, Симон отмечал, что затянувшееся пребывание Тухачевского в Сочи "интерпретируется как своего рода нахождение под наблюдением, чтобы следствие было в курсе деятельности заместителя наркома обороны". Поскольку Тухачевский был включен в состав делегации, направляемой на коронационные торжества в Англии, атташе выражал надежду, что его положение серьезно не пошатнулось¹⁴.

Публикацию в конце марта доклада Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) (доклада "путаного и часто тривиального") Симон расценил главным образом как призыв к бдительности. Он рисовал обескураживающую картину:

"Советские военные выказывают не меньше обеспокоенности, чем остальное население. Они все менее и менее появляются на приемах, и те, с кем удастся встретиться, пытаются свести беседу к банальностям. Их осторожность такова, что сейчас военным атташе неизвестно, кто в действительности является руководителем Отдела внешних сношений и из каких офицеров он состоит. Между тем, этот отдел является единственным органом Комиссариата обороны, с которым военные атташе уполномочены вступать в контакт.

На протяжении примерно месяца невозможно добиться свидания с комкором Геккером. Советские офицеры утверждают, что его отсутствие объясняется необходимостью медицинского лечения, которое не позволяет ему даже говорить по телефону. Это объяснение может быть верным лишь применительно к короткому временному отрезку, многие военные атташе несколько раз замечали генерала Геккера на улицах Москвы. Бывшему начальнику Отдела внешних сношений, по-видимому, будет поставлено в вину недостаточное наблюдение за некоторыми военными атташе, но благодаря прошлым заслугам, дело ограничится его назначением в один из внутренних военных округов"¹⁵.

В отличие от предыдущих лет, зимой 1936 - 1937 гг. для военных атташе не было организовано показа военных учений. После многочисленных запросов Отдел внешних сношений назначил учения на конец марта, но затем отказался от их проведения, ссылаясь на переувлажнение почвы. Сообщение об этом удивляло своей глупой неискренностью - советские военные делали вид, будто впервые обнаружили, что во время весенней оттепели передвигаться в России в сельской местности можно только по дорогам (отчего учения в Московской области обычно проводились в конце февраля - начале марта). В общем, подводил итог подполковник Симон, советское командование пытается лишь создать иллюзию своего благожелательного отношения к представителям иностранных армий¹⁶. (В Париже между тем готовилось решение о переговорах с СССР на уровне Генеральных штабов.)

11 мая в советской прессе появилось сообщение о перемещениях высшего командного состава. Наиболее сенсационным из них являлось назначение Тухачевского командующим войсками второстепенного Приволжского округа. Оно, писал Симон несколькими днями позже, не явилось полной неожиданностью, хотя еще в конце апреля его поездка на коронацию Георга VI не вызвала сомнений: Тухачевский присутствовал на ужине в посольстве Соединенного Королевства, 29 апреля британский военный атташе отправился в Лондон, чтобы подготовить приезд Тухачевского, и посольство Франции выдало Тухачевскому транзитную визу. Сообщение о замене главы советской военной делегации вызывало подозрения, а объяснения, что маршал попросту простудился во время первомайского парада, - "большой скептицизм".

Первоначальные предположения Симона относительно удаления Тухачевского были весьма сдержанными; в отличие от посла Р. Кулондра атташе

стр. 25

не предрекал, что опала непременно приведет его в могилу¹⁷. Несмотря на услуги, которые маршал оказал советскому режиму в годы гражданской войны, и его роль в модернизации Красной армии, его положению всегда вредило дворянское происхождение, профессионализм и "даже статьи в иностранной печати, часто хвалебные, которые вызывали к нему большую зависть в различных советских кругах". После показательного процесса в январе 1937 г. у властей имелись основания винить Тухачевского в том, что он недостаточно следил за своим окружением. "Равным образом, политические амбиции, в которых некогда упрекали г-на Тухачевского, - полагал атташе, - могут иметь отношение к принятым против него мерам, столь велик страх кремлевских правителей перед покушением или восстанием". Симон допускал, что Сталин мог пожертвовать Тухачевским (чьи коммунистические убеждения в глазах многих являлись лишь фасадом), чтобы умиротворить "членов партии, преданных истинной доктрине" и обеспокоенных нынешними трудностями.

Если назначение Б. М. Шапошникова начальником Генерального штаба не нуждалось, по мнению атташе, в особых комментариях, то перевод занимавшего этот пост А. И. Егорова на должность первого заместителя наркома обороны озадачивал. Означает ли это, спрашивал себя Симон, что отныне у наркома будут два первых заместителя, Егоров и Я. Б. Гамарник, или же шеф Политического управления уже "освобожден от занимаемой должности"? Оставалось неясным, кто заменит И. Э. Якира на Киевском военном округе и какова судьба бывшего командующего Приволжским округом П. Е. Дыбенко, преждевременные слухи об аресте которого появились еще в феврале 1937 года.

Опалу Тухачевского и серию перемещений французский атташе связывал с решением о создании военных советов округов и восстановлении института военных комиссаров. На уровне округа командная власть отныне принадлежит целой группе, резюмировал Симон опубликованные документы. "Неудобства этой системы слишком очевидны, чтобы их нужно было разъяснять". Столь же непостижимым представлялось введение системы комиссаров. По официальным данным, 80% армейских кадров являлись коммунистами или комсомольцами. Несомненно, писал Симон, власти попытаются оправдать восстановление института комиссаров ссылками на проникновение в армию "троцкизма", "тем не менее, я полагаю, что в мирное время советская армия является лояльной, в силу самого факта ее особого комплектования". Оставалось поэтому думать, что новые меры представляли собой "уступку коммунистической партии", позволявшую ей усилить контроль над военными кадрами. Симон предвидел, что это приведет к трениям и конфликтам, вызывающим все большее взаимное недоверие и подрывающим сплоченность воинских частей¹⁸.

Продолжая анализировать признаки борьбы идеологических и институциональных групп, в майском обзоре Симон привел мнение "некоторых информаторов", что ужесточение партийного контроля над армией имело целью "дать удовлетворение ОГПУ с целью смягчить недовольство, вызванное якобы умалением его полномочий под влиянием жалоб пострадавших от него военных". Это предположение было зеркальным отражением того объяснения "чистки" органов НКВД (и ареста бывшего шефа госбезопасности Г. Г. Ягоды), которое не без сочувствия давало посольство Франции в апреле 1937 года. Одним из мотивов удара Сталина по своей тайной полиции явилось якобы намерение "дать удовлетворение армии, на которую Наркомат внутренних дел имел дерзость покушаться"¹⁹. Версия о "чистке" силовых ведомств как следствия конфликтов между ними, констатировал Симон, не получила независимого подтверждения. К тому же "Сталин не заинтересован в противопоставлении этих двух институтов, которые играют совершенно различную роль". После устранения Ягоды и его креатур влияние ОГПУ/НКВД вовсе не уменьшилось, и оно остается послушным инструментом Сталина. В то же время неверны и предположения некоторых западных газет о том, что уч-

режденные военные советы представляют собой прообраз военной диктатуры. Напротив, их цель состоит в ограничении власти начальников военных округов и надзоре за ними.

Несмотря на сообщение о самоубийстве Гамарника, вызвавшее тем большее удивление, что ранее ничто не указывало на неблагоприятное положение начальника Политуправления, Симон с крайней осторожностью докладывал о слухах относительно арестов, якобы происходивших в высшем командном звене (называлось, в частности, имя А. И. Корка; слухи об аресте Тухачевского достигли французского посольства лишь 4 июня²⁰). Молчание властей относительно "дел" Рыкова, Бухарина и Ягоды атташе объяснял стремлением ослабить внутренний и особенно внешний резонанс (gerescussion), тем более что официальная пропаганда пока ограничивалась призывами к бдительности. Шпиономания, напротив, заметно усилилась (в отличие от предыдущих лет советская пресса не опубликовала ни одной интересной фотографии военной техники, участвовавшей в первомайском параде).

В целом ситуация, сложившаяся к началу июня, представлялась французскому атташе тревожной:

"Армия, которая до последнего времени находилась в привилегированном положении, более не избавлена от потрясений, которым подвержены и продолжают подвергаться другие органы. Меры в отношении армии приобретают все более явный политический характер, что не может не нанести ущерба ее боеспособности"²¹.

Несколько дней спустя эти мысли отозвались усиленным эхом в записке Генерального штаба, посвященной перспективам франко-советских военных переговоров. До самого последнего времени армия оставалась в стороне от усиливающихся столкновений внутри правящей партии, и репрессии ее не затрагивали. Неожиданные и крутые перемены в руководстве РККА побуждают задаться вопросом, не ожидает ли участь Тухачевского, Гамарника и Р. П. Эйдемана и других военных руководителей. "При таком положении дел представляется благоразумным, прежде чем приступить к военным переговорам, дождаться появления в СССР признаков определенного внутреннего успокоения"²². Тема консультаций Генеральных штабов Франции и СССР отступила в тень разворачивающихся событий.

Следующий доклад Симона открывался хроникой событий первой половины июня - от сообщения о смерти Гамарника до публикации приговора восьми участникам "военно-фашистского заговора" и содержал анализ перемен в вооруженных силах и политической обстановке; в конце июня атташе подготовил очередной месячный отчет, включавший новые сведения и размышления. Информацию он был вынужден черпать главным образом из газет; некоторые важные события, такие как заседание Военного совета при НКО 1 - 4 июня, остались ему поэтому неизвестны. В этих условиях Симон оказался на высоте своих задач. Его суждения были сдержанными, основанными на сопоставлении различных версий и вполне определенными.

"Первое последствие этого судебного процесса состоит в том, что советская армия лишилась своего будущего руководителя. Как обычно признавалось, в случае конфликта маршал Блюхер становился бы командующим на Дальнем Востоке, а маршал Тухачевский - в Европе. Его исчезновение породило пустоту, заполнить которую будет трудно, так как преемник Тухачевского будет, по всей вероятности, уступать ему в интеллектуальном отношении. Эта оценка применима даже к маршалу Егорову, который в силу исполняемых функций первого заместителя наркома, вероятно, предназначается на этот пост".

Казнь Якира и И. П. Уборевича и перевод Шапошникова на пост начальника Генерального штаба означали смену руководства трех западных округов, что не могло не вызвать затруднений, по крайней мере, временных.

Новые назначенцы, включая отличившегося на Дальнем Востоке И. Ф. Федько, по мнению атташе, обладали меньшей компетентностью и опытностью по сравнению со своими предшественниками. Назначения на посты начальников трех других округов маршала СМ. Буденного, комкора Н. В. Куйбышева и комдива М. Г. Ефремова вызвали у Симона недоумение ("как получилось...?", "какими заслугами оправдывается...?", "зачем...?").

Столь же прямодушными были его высказывания относительно смысла июньского процесса над военными. Если признать обвинение в измене, мы вправе спросить, какое доверие можно испытывать к правительству, члены которого организуют крушение поездов (заместители наркома путей сообщения) или стремятся подготовить поражение советской армии (заместители наркома обороны). Что думать о маршале Ворошилове, которых назначил двух изменников своими заместителями, а других поставил во главе двух важных военных округов, Военной академии и Осоавиахима? "Если же официальные объяснения [не] соответствуют действительности, то какова цена режиму, который стремится уничтожить энергичных и сведущих людей, служивших ему почти двадцать лет"?

Первый из поставленных вопросов был чисто риторическим - мысль об измене советских военачальников Симон начисто отвергал. Французский атташе игнорировал услужливую подсказку советских властей о том, что под иностранной державой, с которой были связаны осужденные, следует понимать Германию или по крайней мере "Геббельса и Ко" ²³. Такая версия вполне укладывалась в контекст сообщений об ослаблении антисоветской пропаганды в Германии и попытках советско-германского сближения в первые месяцы 1937 г., о надеждах гитлеровского руководства на скорое установление в России режима социалистического национализма под эгидой военных ²⁴, не говоря уже о едва ли единодушной уверенности иностранных наблюдателей в существовании взаимного тяготения между рейхсвером и Красной армией. Опровержение Берлином и Москвой слухов о сближении между двумя правительствами последовало лишь в конце апреля, и могло лишь усилить предположения о существовании влиятельных сил, совместно подготавливавших союз между СССР и Германией. В смягченной форме предположение о внешнеполитической подоплеке "дела Тухачевского" было склонено принять, например, британский атташе полковник Р. Файэрбрэйс. Он допускал возможность того, "что Тухачевский пришел к выводу о выгодности для СССР сближения с Германией и что он был лидером группы, которая выражала это мнение" ²⁵. В отличие от британского коллеги (многие другие оценки которого он разделял), Симон определенно принадлежал к тем, кто видел в легендарном повествовании о государственной измене не отражение реальных событий, а стандартный миф, живущий по своим внутренним законам ²⁶.

Обвинение в измене родине обуславливалось, по мнению Симона, тактическими (прежде всего внутривластными) соображениями - потребностью выставить расстрелянных военачальников в самом одиозном виде. Реакция зарубежной печати (которая, в целом, сочла это обвинение надуманным) ²⁷ привела к повороту в объяснении происшедшего: начались толки, "несомненно, инспирированные советскими кругами", о заговоре или о попытке заговора. По одной версии, Тухачевский стремился захватить власть "единственно в силу личных амбиций". По другой, в течение прошлого года он пытался развязать войну против Японии с тем, чтобы в будущем у Красной армии были развязаны руки перед лицом германской угрозы. Тухачевский якобы заручился на этот счет поддержкой маршала В. К. Блюхера и видных деятелей Коминтерна; столкнувшись с упорным противодействием Сталина, он решил избавиться от него.

"Эти объяснения обладают правдоподобием применительно к стране, в ходе своей истории повидавшей немало дворцовых переворотов, но не могут быть приняты, если только не допустить, что маршал, Тухачевский игнорировал (что

стр. 28

выглядит чересчур удивительным) значение информационных и разведывательных возможностей ОГПУ. Впрочем, на какие силы он мог бы рассчитывать? В Москве достаточно одних войск ОГПУ и отрядов "вооруженного пролетариата", чтобы раздавить мятеж военных. Группы Осоавиахима, которым руководил генерал Эйдеман и в котором состоит много комсомольцев, не могли бы оказать никакой поддержки".

Что касается сил, находившихся под командованием Якира и Уборевича, то, отмечал Симон, говорящие об этом забывают об их удаленности от Москвы и других препятствиях.

Проверку существовавших версий логикой и фактами Симон завершал деконструктивистским экскурсом:

"Конечно, хотелось бы, чтобы казнь восьми военных деятелей оправдывалась серьезными мотивами, однако история большевистского режима позволяет полагать, что истинные мотивы были, несомненно, менее серьезны, чем можно вообразить. В самом деле, не следует забывать, что в России человеческая жизнь никогда не имела большой ценности. Сами слова не имеют того смысла, который им придается в Западной Европе. Так обстоит дело со словами "свобода" и "демократия", которые здесь произносятся скорее из хитрости и которые не соответствуют идее, вкладываемой в них нами. Понятие шпионажа применяется в отношении передачи

самых безобидных экономических сведений. Слово "заговор" применяется, вероятно, для простого обозначения какой-либо позиции или мнения, которые, будучи разделяемы многими, не считаются ортодоксальными".

Удар по Красной армии побудил атташе изменить прежние представления о том, что разворачивающийся политический кризис отражает борьбу между большевистскими прагматиками и коммунистическими идеологами. Ныне, писал он, представляется, что Сталин намерен "установить свою власть и сделать ее неоспоримой путем ослабления всех иных институтов власти и, если возникает нужда, ломая сопротивление, которое могло проявиться".

В середине июня Симон высказал следующие соображения, в которых он впоследствии лишь укрепился:

"Быть может, расстрелянные маршал Тухачевский и командармы стали подозрительными из-за того, что выступили с возражениями, на что, по их мнению, они могли иметь право в силу своего опыта и своих заслуг. Кто знает, не явилось ли непосредственной причиной отдачи их под суд сопротивление, которое они могли оказать недавнему учреждению военных советов?"

Эти жестокие репрессии, выявившие скорее азиатский, чем европейский склад ума, были также отчасти инспирированы чувством страха, царящим в Кремле, особенно после убийства Кирова, и поддерживаемым ОГПУ в целях защиты своих прерогатив.

Какую цель преследует г-н Сталин, усиливая свою диктатуру ценой злосчастной "чистки" страны? Желает ли он лишь бесконтрольного осуществления власти или подготавливает смену политической ориентации? Пока нет признаков, позволяющих указать на это".

Двумя неделями позже Симон вернулся к этой проблеме.

"Какую цель он преследует? Если согласиться с использованием терминов "правые" и "левые", которые в советских условиях имеют весьма относительный смысл, можно констатировать, что с 1928 г. генеральная политическая линия г-на Сталина являлась левой, несмотря на необходимые уступки "вправо" и серьезные искажения коммунистической доктрины". Ликвидация "троцкизма" сдвинула политический вектор к большей умеренности, удар по правым и учреждение военных советов создают впечатление акцентирования политики левизны. В результате

стр. 29

"уже сейчас г-н Сталин выглядит деятелем, который при необходимости может проводить оппортунистическую политику и прекрасно умеет присваивать себе концепции своих уничтоженных противников. Поэтому так трудно предвидеть ориентацию, которую он изберет и которая, вполне вероятно, пока известна лишь ему самому".

Независимо от ответа на этот вопрос, подполковник Симон предвидел, что последствия июньского процесса скажутся на состоянии Красной армии, прежде всего вызывая у офицерского корпуса боязнь ответственности. Учитывая стагнацию и даже спад промышленного производства за последние месяцы, "следует признать, что переживаемый СССР внутренний кризис серьезно уменьшает его военный потенциал"²⁸.

Объяснять эту позицию идеологической предубежденностью было бы явно недостаточным. Во-первых, антикоммунизм не мешал Симону воспринимать репрессии лета - начала осени 1936 г. с некоторой симпатией к предполагаемому сталинскому прагматизму. Укрепление власти Сталина оказывалось почти отвечающим интересам как России, так и Франции. Анализ изменившейся политической ситуации, однако, позволил Симону избежать отождествления режима и страны (в эту логическую ловушку угодил, как известно, чехословацкий президент Э. Бенеш). Атташе пришел к выводу о том, что кризис, спровоцированный действиями Сталина, одновременно "серьезно ослабляет СССР" и "все больше усиливает сталинскую диктатуру".

Во-вторых, пессимистические выводы Симона относительно будущей военно-политической ориентации СССР основывались на очевидных обстоятельствах. Эти выводы невольно подтвердил исполняющий обязанности начальника ОВС комбриг Ф. Г. Мацейлик на встрече с военными атташе 16 июня. Популяризируя версию о раскрытии государственной измены, он заявлял: "Лишь бы не было войны, пока у нас границы открыты". Мацейлик был "слишком осторожен, чтобы позволить себе размышлять на этот счет и, повторяя слова из приказа наркома обороны, он, несомненно, не предполагал, что вместо того, чтобы убедить аудиторию, он

представил ей еще одно доказательство необходимости для СССР в настоящее время придерживаться оборонительного образа действий"²⁹ .

Наконец, здоровое недоверие к официальной пропаганде и естественные человеческие эмоции вряд ли нуждаются в оправданиях. Сочувствие военного профессионала к своим несчастным коллегам, которые при иных обстоятельствах могли оказаться товарищами по оружию, сопровождалось не только безусловным осуждением их палачей, но и толерантностью по отношению к безмолвствующему народу.

"Обстоятельства побуждают меня, - писал Симон в том же отчете от 14 июня 1937 г., - считать своим долгом именно в этот период пользоваться трамваем и ходить по улицам, и я могу констатировать, что даже 11-го, в день публикации сообщения о передаче дела в суд, взрослые были, как обычно, молчаливы или озабочены повседневными материальными заботами. Что же касается молодежи, она говорила только о развлечениях выходного дня, который приходился на завтра.

Это безразличие населения вполне понятно. Оно объясняется лишениями, испытываемыми на протяжении долгого времени и поглощающими все внимание людей, и осмотрительностью, к которой вынуждает особо суровый полицейский режим".

Стремление Симона безотлагательно представить Генеральному штабу и политическому руководству полный анализ ситуации и прогноз на будущее было, возможно, вызвано и пониманием того, что его миссия в СССР подошла к завершению. Симон пробыл в Москве около четырех лет - срок немалый как с точки зрения норм ротации дипломатического персонала, так и ввиду условий жизни в советской столице. Невозможность естественного

стр. 30

общения с местной элитой и населением, жесткие ограничения на перемещение по стране, напряженность в контактах с властями вызывали стресс у западных дипломатов, стремившихся к интенсивной и живой работе. Неудивительно, что атташе обратился с просьбой заменить его на этом посту³⁰ .

О. -А. Паласе: желание невозможного (осень 1937 - осень 1938 г.). По стечению обстоятельств новый военный атташе Франции в СССР был назначен 11 июня 1937 г. - в день казни Тухачевского и других участников "военно-фашистского заговора". Им стал 56-летний полковник артиллерии (в 1938 г. получил звание генерала) Огюст-Антуан Паласе. После успешного командования батареями в годы мировой войны он несколько лет служил в Генеральном штабе. С 1923 г. Паласе выполнял обязанности заместителя военного атташе в Болгарии, а затем военного атташе в Болгарии и Румынии. Отлично подготовленный офицер, он нередко давал волю своему тяжелому характеру. Резкость Паласса в отношении румын привела в 1930 г. к дипломатическому инциденту, однако ему удалось сохранить доверие руководства, включая начальника Генштаба М. Гамелена, и остаться на посту военного атташе в Румынии. По возвращении во Францию в 1933 г. Паласе получил командование артиллерийским полком, а затем прошел подготовку в Центре высших военных исследований. Выбор Паласса, опытного наблюдателя и дипломата, вполне соответствовал желанию Москвы видеть на посту атташе высокопоставленного военного³¹ .

Трудно сказать, насколько Паласе был подготовлен к роли военного представителя в советской России; по свидетельству полковника Кребса, Паласе всеми силами добивался этого назначения³² ; критические оценки 2-го бюро сильно отличаются от мнения посла в Москве Кулондра, с которым Паласе быстро поладил. Действительно, он никогда прежде не бывал в России и плохо владел русским языком. Но велик ли был толк от знания языка в условиях почти полного прекращения контактов между РККА и иностранными военными представителями? В конце июля 1937 г., как сообщал Симон в одном из своих последних московских рапортов, советская печать приступила к разъяснению, что целью всех направляемых в СССР миссий капиталистических стран является шпионаж. Даже издаваемая для иностранной аудитории газета НКВД "Journal de Moscou" предостерегала: "Шпионы могут скрываться под официальной маской. Они скрываются в посольствах и миссиях под видом военных атташе, морских атташе и т. д."³³

Важнее, пожалуй, было то, что длительное изучение стратегической ситуации в Восточной Европе и знакомство с румынской армией³⁴ должны были привести полковника Паласса к мнению о том, что наиболее перспективным союзником Франции при ее столкновении с Германией - союзником, способным резко изменить неблагоприятное соотношение сил, могла быть только Россия. С первых дней своей миссии и до ее бесславного завершения в сентябре 1939 г. Паласе неизменно выступал сторонником тесного военно-политического сотрудничества с СССР.

Новый атташе прибыл в Москву в октябре 1937 г., накануне проведения первых в советской России всеобщих и прямых выборов высшего органа власти. Паласе был склонен считать, что это событие станет завершением политической чистки, приведет к стабилизации советского режима и проводимого им курса. Атташе несколько смутило отсутствие в списке избранных депутатов Верховного совета 38 официальных кандидатов, в том числе командармов 2-го ранга Я. И. Алксниса и М. Д. Великанова, комкоров М. Я. Апсе и К. И. Озолина, комиссара 2-го ранга А. И. Мезиса и комдива Г. Г. Бокиса, возглавлявшего Автобронетанковое управление РККА (атташе справедливо полагал, что все они оказались в руках НКВД). Тем не менее, он усматривал в результатах голосования 12 декабря позитивный сигнал - они свидетельствовали о "превосходной организации голосования" за официальных кандидатов, подготовка и проведение выборов явились плебисцитом о доверии Сталину. Логическим завершением этого процесса могло бы стать официальное провозглашение "первого депутата Советского Союза" главой

стр. 31

президиума Верховного совета. Чистка предоставила в распоряжение Сталина "новую команду... которая ему всецело предана... необходимая в настоящее время диктатура в этой стране сохраняется". Рассуждения атташе указывают, что он рассматривал Сталина как своего рода Наполеона Бонапарта - первого консула, умело сосредоточивающего в своих руках единоличную власть в интересах завершения революции и отстаивания общенациональных интересов.

Такой подход к оценке советского кризиса не являлся в то время ни уникальным, ни широко распространенным среди наблюдателей. Пожалуй, с наибольшей экспрессией и последовательностью он был сформулирован доктором В. Гжибовским, с лета 1936 г. представлявшим в Москве польское правительство. В обширном докладе, приуроченном к 25-летию русской революции, Гжибовский оценил смысл происходящих перемен как переход к автократизму и интегральному этатизму. Россия 1937 года, писал он, может не опасаться бонапартистского переворота, "ибо у нее уже есть свой Бонапарт... разумеется, в весьма своеобразном издании". Как полагал Гжибовский, большевистская партия переживала процесс "утраты жизнеспособности, аналогичный разложению французских революционных сил в эпоху Консульства"³⁵. Возможно, Паласе, наносивший ознакомительные визиты членам дипломатического корпуса, познакомился со взглядами руководителя союзной миссии и заимствовал у него столь понятную французу аналогию между завершающей стадией революции во Франции и развертыванием государственного террора в России. Тем самым Паласе, по существу, вернулся к мнению, которое в общей форме его предшественник высказывал годом ранее (и от которого вскоре отказался).

Первостепенный интерес для иностранных миссий в Москве представлял вопрос о том, как связаны внутривнутриполитические сдвиги и ослабление РККА с международной политикой СССР. По мнению польского посла, наиболее вероятным являлось "дальнейшее ухудшение взаимодействия Советов с правительствами демократических государств и самоизоляция", сопровождаемые усилением активности Коминтерна. Было замечено, что в обращении ЦИК СССР по случаю юбилея Октября появились отсутствовавшие в 1936 г. здравица в честь Коммунистического Интернационала и упоминание об угнетенных народах колоний, "что произвело большое впечатление на посла Франции". Эти наблюдения и прогнозы Паласе поначалу попросту игнорировал, уверенно проецируя свои утешительные суждения о характере перемен в России на область ее иностранной политики. "Я заключаю указанием, - писал он в декабрьском рапорте министру национальной обороны, - на то счастливое для нашей страны обстоятельство, что выявившиеся к сегодняшнему дню действия г-на Сталина, по всей видимости, свидетельствуют, что он остается благорасположенным к взаимопониманию с Францией"³⁶.

Спустя несколько дней Паласе, вооружившись подшивками "Le Temps" и "Le Journal de Moscou", занялся анализом новых тенденций советской внешней политики и пришел к выводу, что растущая изоляция подталкивает СССР к соглашению с Германией. При этом французский атташе полагал, что разгул ксенофобии и шпиономании (он называл их "оборонительными мерами в отношении Германии") сыграл позитивную роль, поскольку "возможности Германии действовать в этой стране и собирать информацию заметно уменьшились". Он осторожно намекнул, что в таком ключе могут рассматриваться и репрессии командного состава РККА, ибо (Паласе ссылаясь на своего немецкого коллегу) немало советских офицеров "сохранили симпатию к своим бывшим учителям"³⁷. Несмотря на заметные нестыковки, соображения Паласса преследовали очевидную цель: убедить Военное министерство и Генеральный штаб в необходимости сделать шаг навстречу Москве.

Аргументация и выводы нового атташе были в целом созвучны анализу ситуации, который в середине декабря 1937 г. был подготовлен послом Кулондром³⁸. Энтузиазм Паласса в отношении СССР как европейской державы парадоксальным образом подкреплял растущую уверенность Кулондра,

стр. 32

что СССР слишком азиатская страна, чтобы мерить ее нормальным европейским аршином ("На Западе подобное положение быстро привело бы к революции. Здесь же народ использует оружие слабых" - плохо работает). Главное, пожалуй, состояло в том, что ощущение надвигающейся бури заставляло французское посольство искать аргументы в пользу активизации сотрудничества с советским режимом: в конце концов, "наше соглашение с большевиками было продиктовано теми же соображениями, что и договор с царями"³⁹.

Ни ответной реакции Парижа, ни обнадеживающих сигналов от советских властей в последующие недели не поступило. Палассу никак не удавалось добиться от Отдела внешних сношений Наркомата обороны "удовлетворительного решения" своего "жилищного вопроса", не говоря уже о налаживании контактов между атташе и советскими военными кругами. Наконец он получил уведомление о том, что может нанести визит на Знаменскую площадь для принесения поздравлений Красной армии по случаю 20-летия ее создания. Краткую беседу с начальником ОВС, состоявшуюся 23 февраля, Паласе оценил как "сердечную"; он получил заверение, что в будущем будет принят Ворошиловым⁴⁰. В тот же день от имени начальника Генерального штаба Шапошникова для военных атташе и членов их семей был устроен праздничный ужин в особняке Наркоминдела на Спиридоновке. На нем присутствовали маршал Буденный, три командарма, другие военачальники и комиссары. Увы, "ничего не было предпринято, чтобы облегчить общение между советскими офицерами и их гостями, совсем напротив. В целом, все было устроено таким образом, чтобы избежать знакомств". Во главе почетного стола восседал Шапошников, остававшийся "весьма молчаливым", несмотря на то, что в течение всего вечера ему приходилось общаться только с советскими офицерами. Палассу удалось переговорить с новым начальником Разведывательного управления РККА комдивом А. Г. Орловым⁴¹, однако атташе не смог добиться от него ни одного внятного заявления. Свой отчет Паласе закончил почерпнутым из газет известием о назначении Федько первым заместителем наркома обороны, что подтвердило слухи о немилости, обрушившейся на занимавшего этот пост маршала Егорова, а также командующих Ленинградским и Белорусским военными округами Дыбенко и И. П. Белова⁴².

Считал ли Паласе оправданным с точки зрения обеспечения устойчивости сталинского режима продолжение чистки советского государственного и военного аппарата? Он воздерживался от изложения своей позиции в официальных рапортах. Некоторые намеки на этот счет содержатся в его сопроводительной записке, приложенной к направленным в Генеральный штаб материалам третьего московского процесса (2 - 13 марта 1938 г.). Отметив, что возможность присутствовать на заседаниях Военной коллегии Верховного суда получили лишь главы иностранных миссий, Паласе представил краткую сводку тех аспектов судебного процесса, которые вызвали живой отклик дипломатического корпуса. Он отмечал "частое обращение к фактам, которые привели к осуждению генералов в июне 1937 г.", и неукоснительное соблюдение судебной процедуры, напоминавшее "политические процессы старого режима". "Наконец, быть может, небезынтересно отметить, что этот процесс последовал вслед за событиями в Германии 4 февраля и декларацией об отношениях с СССР, прозвучавшей в выступлении фюрера в Берлине 20 февраля", - завершал свое сообщение французский атташе⁴³. Паласе имел ввиду устранение В. Бломберга и других высших военачальников, которые, согласно распространенным представлениям, были расположены к сотрудничеству с Россией, а также заявление Гитлера, что СССР является единственной страной, с которой Германия не ищет более тесных отношений. Таким образом, Паласе давал понять, что новый судебный процесс не противоречит ни тенденциям разумной консолидации власти, ни заинтересованности Франции в устранении прогерманских элементов в военно-политическом руководстве СССР.

стр. 33

В начале весны 1938 г. общие размышления были оттеснены необходимостью оценить состояние военного потенциала СССР после недавних репрессий. В день вынесения приговора Бухарину, Рыкову и другим подсудимым, 13 марта, Гитлер овладел Австрией. От борьбы с "несправедливостями Версаля" германское правительство перешло к реализации собственной национал-социалистической программы. Новое правительство, сформированное Э. Даладье после отставки второго кабинета Л. Блюма в апреле 1938 г., оказалось перед лицом нового усиления позиций Германии, парализовавшего возможности союзников оказать

военную помощь Франции и угрожавшего самому существованию Чехословакии - ключевого звена французской системы в Центрально-Восточной Европе. Вопрос об актуализации или заключении военно-политических соглашений Франции на востоке вновь оказался на повестке дня. В силу географических причин оказание со стороны Красной армии помощи Франции в ее войне с Германией зависит от советско-польских и советско-румынских отношений, говорилось в одобренной министром Даладье записке Генерального штаба национальной обороны от 4 апреля 1938 г.; в нынешней ситуации сближение Парижа с Москвой чревато отчуждением Польши и Румынии от Франции и даже может толкнуть их в лагерь ее противника. Поэтому военное руководство считало переговоры о заключении военной конвенции с СССР несвоевременными, прибавляя, что и "нынешнее состояние его армии не представляет интереса" для французской военной стратегии⁴⁴.

Если Военное министерство и Генеральный штаб проявили безразличие к мнению своего представителя в СССР, то Министерство иностранных дел действовало иначе. В начале апреля Кулондр был приглашен на совещание, на котором обсуждался вопрос о том, на какую помощь со стороны восточноевропейских стран Франция могла бы рассчитывать, если ей придется защищать Чехословакию. Вслед за этим послу в Москве был переслан благоприятный отзыв о состоянии Красной армии министра иностранных дел Чехословакии. По его утверждению, "русская армия мало пострадала от казней генералов, и Россия является очень сильной в военном отношении"; "г-н Крофта добавил, что в интересах Франции, как и Чехословакии, говорить, что Россия сильна, даже если мы полностью не присоединяемся к этой оценке"⁴⁵. МИД Франции предложило Кулондру высказать свое мнение, он, в свою очередь, обратился к военному атташе с просьбой представить ему доклад о советском военном потенциале.

В середине апреля Паласе сообщил послу свои основные выводы. В настоящее время Красная армия способна выставить по мобилизации до 100 пехотных дивизий, 30 кавалерийских дивизий, 5 - 8 тысяч танков, часть которых сведена в механизированные корпуса⁴⁶. Через несколько месяцев после начала войны, полагал Паласе, СССР может дополнительно развернуть около 80 второочередных пехотных дивизий. Эти оценки верно отражали масштабы <мобилизационных> приготовлений СССР. Мобплан 1934 г. предусматривал развертывание вооруженных сил численностью 4,8 млн. человек (включая 149 стрелковых и 22 кавалерийских соединения первой очереди); количество танков в строю должно было составить 9 тысяч. Новый план (М-8), утвержденный в конце 1937 г., предусматривал увеличение мобилизуемых сил до 8,6 млн. человек (в том числе 6,4 млн. человек в первоочередных формированиях).

Красная армия располагает современным вооружением в достаточном количестве, констатировал Паласе, хотя состояние артиллерии оставляет желать лучшего. Наибольшую обеспокоенность вызывает состояние командных кадров, в особенности высшего командования, которое "в ходе чисток было несколько раз почти полностью обновлено". В ходе осенних маневров 1937 г. в Белоруссии их руководители продемонстрировали способность управлять крупными войсковыми силами. Обычно русских упрекают в постоянной отработке одного и того же сценария (что обеспечивает успешные результаты маневров), однако странно было бы ожидать от них, полагал Па-

стр. 34

ласе, иного образа действий в попытках обеспечить оборону от эвентуального нападения.

Атташе полагал, что к весне 1938 г. советское правительство предприняло новые меры предосторожности и даже "всерьез приступило к стратегическому развертыванию". Имелись ли у Паласса какие-либо основания для столь важного утверждения или же он выдавал желаемое за действительное? Вероятно, атташе произвольно интерпретировал прозвучавший двумя месяцами ранее "сталинский сигнал". В письме Сталина комсомольцу И. Ф. Иванову, опубликованном в феврале 1938 г., заявлялось: "Нужно весь наш народ держать в состоянии <мобилизационной> готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая случайность и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох". Лишь спустя месяц, в период майского кризиса, у французского посольства появились данные о концентрации войск на западе Украины⁴⁷.

"Войска, которые пришлось наблюдать в поездке по стране либо на парадах, производят хорошее впечатление. Они хорошо содержатся. Несмотря на несколько самокритичных статей в советской печати, я полагаю, что дисциплина остается неизменной", - утверждал атташе. Доверие к этим оценкам подрывало признание, что войсковых частей он не посещал и, "прибыв недавно, еще не присутствовал на каких-либо маневрах" (во 2-м отделе сочли эту констатацию особенно примечательной).

В итоге, писал Палассе, "в настоящее время армия СССР представляется мне способной при благоприятных условиях обеспечить защиту своей страны и даже предпринять внезапную и ограниченную наступательную операцию (offensive brutale et limitée). Серьезным неизвестным является качество его высшего командования"⁴⁸

Посол, как сообщал он министру иностранных дел, "вполне одобрил" записку Палассе. В действительности же, при оценке военных возможностей СССР Кулондр иначе расставлял акценты⁴⁹ и разошелся с атташе по ключевому вопросу об устойчивости режима в случае войны. Он не ставил под сомнение патриотизм комсомольцев, однако в случае мобилизации дух армии будут определять настроения масс, прежде всего крестьянских, в лояльности которых не могло быть никакой уверенности. В то же время продолжение репрессий указывало на то, что "преследуемая оппозиция рассеивается и приобретает более скрытые формы, но возможно становится более широкой, чем прежде". Беспокойство за судьбу своей власти в случае войны имело, по мнению посла, прямое отношение к миролюбию Кремля и во всяком случае подкрепляло многочисленные указания на то, что "СССР готовится главным образом к оборонительной войне". Таким образом, в случае войны с Германией Франции не приходилось ожидать существенной военной помощи со стороны России, которая "подверглась такому кровопусканию, что не может не находиться в ослабленном состоянии"⁵⁰. По существу, суждения Кулондра были близки выводам не столько Палассе, сколько его британского коллеги - подполковника Файэрбрэйса, которые тот представил в Форин офис (где в апреле 1938 г. также активно обсуждалось состояние РККА после репрессий командного состава). Файэрбрэйс полагал, что Красная армия по-прежнему сильна в обороне. Однако "с военной точки зрения имеются значительные сомнения относительно того, способен ли Советский Союз выполнить свои обязательства по договору с Чехословакией и Францией, ведя наступательную войну"⁵¹.

В докладе, адресованном в апреле 1938 г. министру и 2-му отделу Генерального штаба, Палассе обратился к другому аспекту "чистки Красной армии" - введению контроля комиссаров и военных советов за действиями офицеров и усилению влияния Политического управления РККА, которое возглавил Л. З. Мехлис. Новый Устав внутренней службы, введенный в декабре 1937 г., отмечал атташе, установил равную ответственность команди-

стр. 35

ров и политработников за боевую подготовку и <мобилизационную> готовность вверенных им частей. Должности комиссаров и политработников были заполнены выдвинутыми "из лучших и наиболее надежных военных молодых коммунистов" ("Красная Звезда" говорила даже о десятках тысяч таких выдвинутых, что Палассе напрасно считал преувеличением). Эти меры сопровождались другими акциями по "большевизации армии", включая массовый прием командиров и красноармейцев в партию и комсомол, возвращение к практике шефства заводов, колхозов и учреждений над воинскими частями и др. Сочетание этих мер ведет к заполнению должностей людьми, преданными правительству; ментальность россиян облегчает оправдание чрезвычайных обстоятельств. Все это позволяло Палассе надеяться на "быстрое достижение кадровой стабильности". Атташе предпочел не упоминать о столь экзотических новациях, как закрепленная в Уставе обязанность подчиненных не исполнять "явно преступного приказа" и докладывать о нем комиссару⁵².

Палассе являлся, пожалуй, единственным членом корпуса военных атташе в Москве, который столь философски относился к ликвидации единоначалия в Красной армии и к разжиганию подозрительности подчиненных в отношении своих начальников. "Для меня совершенно нетерпима теория, - говорил в декабре 1937 г. чехословацкий атташе полковник Ф. Дастих, - о том, что в силу особенностей российской психологии и советской системы Красная армия способна эффективно действовать на основе, неприемлемой для армий других государств. Я внимательно изучил систему политических комиссаров, как она представлена в законодательстве и уставах, собрал наблюдения о ее практическом применении. Она не может означать ничего иного как разделение командных полномочий (divided command). Я знаком с выдвигаемой теорией о том, что, поскольку многие политические комиссары являются опытными военными, их присутствие в штабах скорее поможет, чем повредит командирам. Я убежден, что эта теория неверна. В действительности, по моему мнению, самым опасным типом политического комиссара, похоже, является тот, кто обладает военным опытом и потому имеет тенденцию, пусть даже бессознательно, оказывать под влиянием как военных, так и политических соображений при принятии решения о том, следует ли ему контрассигновать приказ командира части, в которую он назначен"⁵³. Знакомство со взглядами других военных атташе в СССР убеждает, что, критикуя "теорию" о позитивных последствиях "большевизации" Красной армии, полковник Дастих имел в виду своего французского коллегу (с которым он, в силу союзных отношений между двумя странами, должен был общаться особенно тесно).

Итак, на протяжении первого полугодия своего пребывания в Москве полковник Паласе предпринял чрезвычайные усилия к выполнению своей миссии. Лишенный доступа к надежным источникам информации, он пытался оценить военный потенциал страны, с которой Францию связывал договор о взаимной помощи в случае войны. Для военного специалиста являлось очевидным, что политическая истерия и массовые аресты, разрушительно влиявшие на функционирование государственного аппарата и хозяйственную жизнь, были смертельно опасны столь сложному инструменту, как современная армия. Невозможность предвидеть ближайшие события во внутренней жизни СССР не сулила успеха любым попыткам угадать будущие действия диктатора в сфере международной политики. Французского атташе, однако, не удовлетворяла роль наблюдателя, аккуратно снабжающего Генеральный штаб доступными ему скудными материалами. Над ним довлел императив налаживания взаимодействия с Россией, без чего, полагал он, безопасность Франции не обеспечена. Это заставляло французского атташе отыскивать в политическом хаосе 1937 - весны 1938 г. разумную направляющую волю, признаки скорой стабилизации и рассматривать под этим углом зрения даже столь пагубные для армии меры, как введение коллегиального управления частями⁵⁴.

стр. 36

Апрельские доклады Паласса переполнили чашу терпения 2-го бюро. Военному атташе припомнили прежние случаи, когда его информация оказывалась недостаточно сбалансированной (например, при анализе танковых сил Паласе упущено из виду, что после появления противотанковых ружей толщину брони советских танков более нельзя было считать достаточной). Преувеличением было сочтено и утверждение Паласса, что при определенных условиях Красная армия способна предпринять наступательные операции. 2-е бюро обращало внимание своего представителя в Москве на то, что "его доклады не могут не оказывать влияния на последующую ориентацию французской политики, поэтому они не должны содержать сведения, являющиеся непроверенными или недостаточно основывающимися на фактах"⁵⁵.

Паласе, согласно послевоенным воспоминаниям Кулондра, был сильно сконфужен. Поскольку по соображениям дисциплины атташе не решался возразить, посол взял его под защиту, направив письмо Даладьё и первому заместителю начальника Генерального штаба генералу А. -Ф. Денцу, в чьем ведении находилось 2-е бюро. Рассказ об этом эпизоде мемуарист закончил сентенцией, что те, кто позволяют своим партийным пристрастиям, будь то правого или левого толка, затемнять интересы страны, совершают преступление перед обществом⁵⁶. Следует, однако, признать, что любой непредвзятый аналитик не мог без иронии воспринять доклады Паласса. Его апрельские донесения представляли собой не столько результаты исследования, сколько смесь общеизвестных оценок с собственными благопожеланиями⁵⁷.

Поэтому перемена, происшедшая после этого конфликта в содержании докладов Паласса, вряд ли объяснялась исключительно конформистскими соображениями или давлением со стороны Генерального штаба. Пассивность СССР в период чехословацкого (майского) кризиса 1938 г. вместе с новой информацией о состоянии РККА давала немало пищи для раздумий. 26 апреля "Красная Звезда" красноречиво описала произвол комиссаров, подрыв авторитета командиров и начальников штабов, хаотические кадровые перемещения⁵⁸.

В конце июня полковник Паласе направил в Париж донесение о результатах чистки кадров Красной армии, основанное на "серьезном источнике". Чистка командного и политического состава продолжается, писал атташе. Она проводится органами госбезопасности, которые изучают прошлое каждого офицера, и малейшее указание на дружеские связи с "врагами народа" служит основанием для репрессий. "Такой образ действий имеет своим следствием то, что каждый новый арест неизбежно влечет за собой серию других". Последствия чистки в изложении Паласса были суммированы следующим образом:

"1) Красная армия, вероятно, более не располагает командирами высокого ранга, которые бы участвовали в мировой войне иначе как в качестве солдат или унтер-офицеров.

2) Разработанная Тухачевским и его окружением военная доктрина, которую наставления и инструкции объявили вредительской и отменили, более не существует.

3) Уровень военной и общей культуры кадров, который и ранее был весьма низок, особенно упал вследствие того, что высшие командные посты были переданы офицерам, быстро выдвинутым на командование корпусом или армией, разом перепрыгнувшим несколько ступеней и выбранными либо из молодежи, чья подготовка оставляла желать лучшего и чьи интеллектуальные качества исключали критичную или неконформистскую позицию, либо из среды военных, не представляющих ценности, оказавшихся на виду в гражданскую войну и

впоследствии отодвинутыми, что позволило им избежать всякого контакта с "врагами народа". В нынешних условиях выдвижение в Красной армии представляет своего рода диплом о некомпетентности.

4) Чистка, распространяющаяся по лестнице сверху вниз, глубоко дезорганизует воинские части и скверно влияет на их обучение и даже на условия их

стр. 37

существования. В этом отношении весьма показательны все более многочисленные нарекания на плохое обслуживание военной техники и учреждение Ворошиловым "комиссий по экономическому сотрудничеству". Примечательно, что деятельность этих комиссий, превращающая воинские части в сельскохозяйственные предприятия и затрудняющая обучение, тремя годами ранее была признана вредной и отменена.

5) Непрерывающиеся перемещения офицеров... против чего советское командование с 1930 г. решительно выступало, вследствие чистки стали как никогда многочисленными...

6) Учреждение института военных комиссаров, усилия, прилагаемые для того, чтобы поставить во главе воинских частей офицеров, служивших в отдаленных друг от друга местностях и незнакомых между собой, и все более непосредственное наблюдение со стороны органов государственной безопасности ставит кадры Красной армии в положение невозможности полезной работы и лишает их всякой инициативы и увлеченности делом.

7) Даже дисциплина подорвана критикой со стороны подчиненных, которых к тому подталкивают и поощряют, своих начальников, постоянно подозреваемых в том, что завтра они окажутся "врагами народа".

Эта прискорбная ситуация, которая нанесла советским кадрам (по крайней мере, высшему командованию) более серьезный урон, чем мировая война, делает Красную армию в настоящее время почти непригодной к использованию. Советские власти отдают себе в этом отчет и прилагают неослабные усилия по скорейшей подготовке новых кадров. Однако, несмотря на создание многочисленных новых училищ и интенсивное направление офицеров на курсы повышения квалификации, для того, чтобы зарубцевались тяжелейшие раны от катастрофы, вызванной чисткой, по всей вероятности, потребуются многие годы"⁵⁹.

Трудно сказать, в какой мере сам Паласа был солидарен с этими оценками. Во всяком случае, в последнем (октябрьском) рапорте о репрессиях в Красной армии Паласа не пытался ни оправдывать их высшими соображениями, ни скрывать свое сочувствие судьбе Блюхера, единственная мыслимая вина которого могла состоять в его широкой популярности и уверенности в себе⁶⁰.

Донесения французских военных атташе о состоянии советских вооруженных сил отражают происходившие серьезные перемены. Первый военный атташе Франции в СССР полковник Мендра руководствовался "двойным мандатом". Меня отправляют в Москву, писал он, чтобы "оценить потенциал Красной армии и определить возможность укрепления наших связей с нею"⁶¹. Не прошло и года, как Мендра, осознав, сколь велики с обеих сторон препятствия к налаживанию практического сотрудничества между Францией и СССР, утратил свой первоначальный оптимизм и предпочел служить своей стране на ином посту.

Положение преемников Мендра было сложнее. С 1934 г. стратегическое положение Франции стремительно ухудшалось; несмотря на временные успехи противников гитлеровской Германии, ей удавалось все увереннее овладевать политической инициативой, поставив под сомнение существование французской системы союзов. Убийство СМ. Кирова стало сигналом к окончанию краткой эры социально-политической стабильности в СССР. На глазах Симона "умеренная" политика растворялась в вакханалии псевдореволюционного террора. На Паласа пала трудная задача оценить его последствия для вооруженных сил и договороспособности Советского Союза. Различие в темпераменте и понимании своих профессиональных задач Симоном и Палассом побуждало первого из них придерживаться роли непредвзятого наблюдателя и аналитика, а второго - взять на себя неблагодарную миссию защитника интересов франко-советского сотрудничества, чему оказалась подчинена информационная деятельность военного атташе. Тем более симптоматично, что суждения Симона и Паласса о сталинском терроре эволюционировали в одном направлении. Оба военных атташе поначалу усматривали

стр. 38

в нем нечто едва ли не симпатичное, вызывавшее аналогии с деятельностью первого консула. Как Симон в конце 1937 г., так и Паласе годом позже оказались под обаянием сталинского мифа, заставлявшего воспринимать судороги большевистского режима как попытку правителя-прагматика очистить страну от послереволюционного хаоса и утвердить новую легальность.

Донесения Симона первой половины 1937 г. свидетельствуют о постепенном нарастании пессимистических нот в отношении военных возможностей СССР по мере того, как коррозия террора стала разъедать военный организм. Суждения Паласса первых месяцев 1938 г. воплотили максимум оптимизма, который мог питать свидетель тяжелых ударов по советской военной системе. Однако и в то время он лишь с оговорками высказывался за признание Красной армии способной к осуществлению наступательных операций. Это не помешало французскому атташе в июне-июле 1939 г. возобновить свои настояния в пользу военного союза с Россией и оказания нажима на упрямых поляков; Генеральный штаб вновь призвал Паласса к порядку⁶². Подобно американскому атташе генералу Ф. Р. Фэймонвиллу, многократно высмеянному своими коллегами за доверие советской пропаганде, но оказавшемуся едва ли не единственным в американских военных кругах, кто летом 1941 г. смог твердо заявить, что Россия выстоит⁶³, полковник Паласе верно угадывал контуры военно-хозяйственных возможностей СССР, силу патриотических настроений и энтузиазм молодого поколения, организаторский потенциал беспощадной диктатуры, раскрывшийся уже в истреблении командного состава, дополненном партийным вмешательством в военное управление и упадком воинской дисциплины. Проблема, однако, состояла в том, что Франции был нужен не партнер, способный вести упорную борьбу с немцами между Доном и Волгой, а союзник, который бы мог в течение сравнительно краткого срока предпринять эффективные наступательные операции против общего врага. Экстравагантность и порой нелепость аргументации Паласса в сочетании с его осторожными практическими выводами являются лучшим доказательством того, что в 1937 - 1938 гг. никто, вне зависимости от идеологических пристрастий и от оценки международных планов Сталина, не мог поручиться, что Красная армия может стать таким союзником.

Позиция Генерального штаба, военного и дипломатического ведомств давала основания для выводов об их сдержанности в отношении с СССР и отрицательном отношении к заключению военной конвенции. Это придает вес утверждениям, что развертывание в середине 1937 г. "чистки" Красной армии пришлось французскому командованию как нельзя более кстати, а указания разведывательных служб на ее слабость, усугубленную репрессиями, были призваны оправдать глубокую идеологическую враждебность Запада по отношению к коммунизму⁶⁴. Но эта аргументация может быть без труда перевернута: антикоммунистические установки военных циников оправдали себя, позволив задолго до уничтожения лучшей части военных кадров СССР предостеречь французское правительство против иллюзий относительно стабильности политического курса и военной эффективности нового партнера.

Такое переворачивание аргументации, будучи само по себе небезосновательным, содержит опасность устранить из поля рассмотрения взаимосвязь между внешнеполитическими затруднениями СССР и внутривнутриполитическим кризисом, репрессиями 1936 - 1938 годов. Независимо от того, насколько искренним и глубоким был расчет Москвы на сближение с Парижем, французское политическое руководство на протяжении 1935 - 1936 гг. стремилось выскользнуть из советских объятий, а армейское и морское командование проявляли отсутствие заинтересованности в чем-то большем, чем удерживание СССР от партнерства с немцами. Половинчатость и зыбкость советско-французского сближения порождали в руководстве СССР разочарование в избранном им курсе на коллективную безопасность, подталкивали к поискам альтернативных решений и "новому изоляционизму"⁶⁵. Образ стратегического мышления Тухачевского и его коллег, основанный на военных

стр. 39

факторах и склонный к игнорированию политико-дипломатических соображений, не мог не привести к внутренним разногласиям и конфликтам с Кремлем⁶⁶. В донесениях Симона (и тем более Паласса) нет следов упоения собственной правотой, предусмотрительностью Генерального штаба, предостерегавшего против ставки на военное сотрудничество с СССР. Однако в этих материалах отсутствует и анализ возможной связи между крушением советских надежд на союз с Францией и развязыванием "большого террора", между предполагаемой "профранцузской" ориентацией Тухачевского и обрушившейся на него карой.

На протяжении 1938 г. отношение Парижа к военному сотрудничеству с СССР претерпело существенную эволюцию. Если в домюнхенский период считалось, что Советы не могут оказать Франции военную помощь, то в конце 1938 г. в Генеральном штабе высказывалось мнение, что СССР может подкрепить польско-румынские силы воздушными и механизированными частями, а также поставками военных материалов. В этом изменении

оценок, однако, сказались не только отрезвление, наступившее вскоре после мюнхенской капитуляции западных держав, но и объективный стратегический сдвиг: "восточный" театр будущей войны с Германией переместился из центра Европы на границы Польши. Весной и летом 1938 г. СССР угрожал Польше вторжением, если она поможет Гитлеру раздавить Чехословакию. В конце 1938 г. Варшава и Москва вместе оказались на оси ожидаемой германской агрессии и отношения между ними незамедлительно вступили в фазу политического сближения. Поэтому французский Генеральный штаб имел основания вернуться к прежней идее о том, что стратегическое военное партнерство с Россией может воплотиться в советской помощи союзникам Франции - Польше и Румынии. Как известно, принципиальные разногласия о формах и условиях такой помощи стали главным камнем преткновения в переговорах СССР с западными державами летом 1939 года.

В октябре 1932 г. де Латтр де Тассиньи, обосновывая необходимость сближения с вооруженными силами России, писал, что она представляет "тревожащее неизвестное, но также и определенную силу" на европейской и мировой сцене, и Франции необходимо прибегнуть к инструментам дипломатии, чтобы через военных атташе получать "точную информацию" о российском военном потенциале⁶⁸. Шестью годами позже, несмотря на многообразные усилия по выяснению внешнеполитических планов и военных возможностей Советского Союза, в глазах Парижа он оставался все тем же "тревожащим неизвестным, но также и определенной силой". На пороге европейской войны возможная помощь Франции со стороны СССР по основным критериям - "сила, уверенность в ней и постоянство" - была не менее проблематична, чем в начале пути к сближению. Деятельность Симона и Паласса оказалась обречена на бесплодие. Она так и не создала основание для спасительных решений, докладам и донесениям французских военных атташе суждено было остаться историческими свидетельствами о советской драме 1937 - 1938 годов.

Примечания

1. Репрессии в Красной Армии (30-е годы). Napoli. 1996; СУВЕНИРОВ О. Ф. Трагедия РККА. 1937 - 1938. М. 1998; ЧЕРУШЕВ Н. С. 1937 год: элита Красной армии на Голгофе. М. 2003; и др.
2. WIECZORKIEWICZ P.P. Lancuch smierci: Czystka w Armii czerwonej. Warszawa. 2002; и др.
3. Пальму первенства в распространении произвольных трактовок следует отдать эмигрантскому историку И. Пфаффу, который сочетал профессиональную карьеру с выполнением заданий госбезопасности ЧССР (HAUNER M. The Quest for the Romanian Corridor. In: Mythos. Munchen. 2002, p. 65 - 66).
4. АНДРЕЕВСКАЯ Е. А. СССР в 1936 - 1938 гг. глазами французского дипломата. В кн.: Международные отношения накануне второй мировой войны. СПб. 1993.
5. YOTT Д. К. Кто против кого устроил заговор. - Вопросы истории, 1989, N 6; LUKES I. Czechoslovakia Between Stalin and Hitler. N.Y. 1996 (ch. 4); GLANTZ D.M. Observing the Soviets. - Journal of Military History. Vol. 55 (Apr. 1991). Единственной систематической

стр. 40

работой о французских военных атташе в СССР второй половины 30-х годов является магистерская диссертация Ж. Монанжа (MONANGE J. Le pays des Soviets au miroir de deux officiers francais, ESM, Univ. Paris IV. 2003), ценность которой состоит преимущественно в установлении биографической и событийной канвы их деятельности.

6. Service Historique de l'Armee de Terre (SHAT). 7N3122 - 3123. Attaches militaires en URSS 1937-1939.
7. Об установлении военных связей между Францией и СССР см.: BURRIGANA D. Les rapports politico-strategiques franco-sovietiques, 1930 - 1934. - Cahiers du centre d'etudes d'histoire de la defence, 1996, N 3; GUELTON F. Jean de Lattre de Tassigny et les relations franco-sovietiques au debut des annees trente. - Revue Historique des Armees, 2002, N 2.
8. Подполковник Ж. де Латтр де Тассиньи - старший офицер штаба Генерального инспектора армии М. Вейгана, будущий маршал Франции - являлся главным энтузиастом военного сотрудничества Франции и СССР.
9. SHAT. 7 N3122. Наиболее зримым выражением мощи РККА являлись ее танковые силы. Между тем моторесурсы выделялись из расчета эксплуатации танка не более 25 часов в год, из них 15 часов отводилось на тактическую подготовку и 10 часов - на участие в парадах (РГВА, ф. 29, оп. 29, д. 260, л. 252). В декабре 1937 г.

нарком Ворошилов отмечал в приказе, что маневры и парады - "эти весьма сложные и громоздкие общевойсковые демонстрации проходят организованно и неплохо. И совсем по другому идет работа в обычное время. Неорганизованные и некультурные "методы" работы. Изматываются и дергаются люди", и т.п. (Русский архив. Т. 13. М. 1994, с. 36).

10. MONANGE J. Op. cit., p. 37. См. в особенности: MENNING B. Soviet Railroads and Military Planning, 1927 - 1939. Paper delivered at the 28th National Convention of the AAASS, November, 1996.

11. SHAT. 7 N3122. Attaches militaires en URSS. Dossier 4.

12. DULLIN S. Op. cit., p. 251 - 252. Посла Альфана в ноябре 1936 г. сменил Р. Кулондр.

13. Documents diplomatiques français 1932 - 1939. 2eme ser. (DDF). Т. 4, p. 731 - 732. Впрочем, от "обычно хорошо информированных людей" послу Кулондру довелось слышать, что Тухачевский был "тайно расположен к Германии" (ibid. Т. 5, p. 732).

14. SHAT. 7 N3122.

15. В начале мая во французском посольстве пришли к выводу, что А. И. Геккер арестован (DDF. Т. 5, p. 674). В действительности Геккер до его ареста 30 мая 1937 г. оставался в должности начальника Отдела внешних сношений Разведывательного управления РККА.

16. SHAT. 7 N 3122. Compte-rendu mensuel N 38, 1.1 V.1937 (rapport N 332/S).

17. DDF. Т. 5, p. 732.

18. SHAT. 7 N 3122. Simon au Ministre et EMA, N 346/S, 17.V.1937.

19. DDF. Т. 5, p. 676.

20. К 9 июня, хотя советская печать хранила молчание, "общее мнение" западных наблюдателей в Москве состояло в том, что Тухачевский, Корк и Эйдеман арестованы (PRO FO 371/ 21104/N3010).

21. SHAT. 7 N 3123. Compte-rendu mensuel N 40, 1.VI.1937, N 351/S.

22. DDF. Т. 6. P. 1970, p. 50 - 51.

23. Правда, 12.VI.1937.

24. См., в частности: DDF. Т. 5, p. 364.

25. PRO FO 371/21104/N3177. Firebrace to MacKillop, 14.VI.1937.

26. Летом 1937 г. посол Кулондр также решительно отметал версию об "измене Родине". Его не убедил и рассказ заместителя главы НКВД В. П. Потемкина о том, что сведения о связях Тухачевского с германским командованием он еще в феврале 1937 получил от Даладье, сославшегося на 2-е бюро Генерального штаба (DDF. Т. 6, p. 225 - 228; COULONDRE R. De Stalin a Hitler. P. 1950, p. 83; попытки историков отыскать следы этих материалов в архивах Генерального штаба оказались безуспешными). К концу 1937 г. взгляды Кулондра претерпели существенную эволюцию. См.: АНДРЕЕВСКАЯ Е. А. Ук. соч., с. 81 - 83.

27. Любопытно, что даже восприимчивый к советской пропаганде американский атташе Ф. Р. Фэймонвилл считал "невероятным", чтобы казенные военачальники были виновны в измене (GLANTZ D.M. Op. cit., p. 178).

28. DDF. Т. 6, p. 116 - 120. Simon au Ministre et EMA, 14.VI.1937, N 360/S.

29. Ibid., p. 255 - 259.

30. Дополнительным фактором могло быть неприятие Симона военными властями СССР, для которых его взгляды вряд ли оставались тайной. Судя по последним отчетам Симона, он не был допущен на Белорусские маневры 1937 года (SHAT. 7 N3123. Rapports "Composition des Conseils militaires", N 398/S, 15.IX. 1937; "Cadres officiers sovietiques", N 407/S, 3.X.1937).

31. MONANGE J. Op. cit., p. 18 - 22. Первый военный атташе СССР во Франции СИ. Венцов до своего назначения руководил И (<Мобилизационным) управлением Штаба РККА, штабами Белорусского и Московского военных округов. В декабре 1936 г. его сменил Э. Д. Лепин, ранее командовавший корпусом. При введении персональных воинских званий Венцов был аттестован комдивом, а Лепин комкором (ЛУРЬЕ В. М., КОМИ К В. Я. ГРУ: дела и люди. СПб. 2003).

стр. 41

32. Если верить Кребсу, ради этого Паласе интриговал и лгал, заверяя коллег в своем знании русского языка. Полковник Кребс (эльзасец, прошедший молодость в России) курировал во 2-м бюро советское направление. В 1936 и 1939 гг. он посещал СССР в составе французских военных миссий (VAISSE M. Le perception de la puissance sovietique par les militaires francais en 1938. - Revue Historique des Armees, 1983, N 3, p. 21).

33. SHAT N3123. Compte-rendu mensuel N 42, 2.VIII.1937 (N 372/S) Цитата из статьи в "Le Journal de Moscou" от 27.VII.1937.

34. STATIEV A. When an Army Becomes "Merely a Burden". - Journal of Slavic Military Studies. Vol. 13 (June 2000).

35. Archiwum Akt Nowych. MSZ/12/. Raport polityczny W. Grzybowskiego do MSZ, 20.IX.1937.

36. Ibid.; SHAT. 7N3123. Palasse au Ministre et EMA, 23.XII.1937, N 425/S.

37. DDF. T. 7. P. 1972, p. 792 - 793.

38. Ibid, p. 715 - 719; АНДРЕЕВСКАЯ Е. А. Ук. соч., с. 81 - 82.

39. DDF. T. 7, p. 297; АНДРЕЕВСКАЯ Е. А. Ук. соч., с. 82.

40. Паласе был принят Ворошиловым лишь в январе 1939 года. См.: ДЬЯКОВ Ю. Л. Неизвестные документы об отношениях СССР (России) и Польши в XX веке. В кн.: Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М. 2001, с. 70.

41. Орлов в 1933 г. являлся помощником военного атташе во Франции, затем военным атташе в Берлине. Своим выдвижением он был отчасти обязан своевременному (25 августа 1936 г.) доносу на своего коллегу Путну (РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 16, л. 268 - 269). Арестован в июне 1939 года.

42. SHAT. 7N3123. Palasse au Ministre et EMA, 26.II.1938, N 443/S.

43. Ibid. Palasse au Ministre et EMA, 7.III.1938, N 444/S.

44. DDF. T. 9. N 144, p. 301.

45. Ibid., p. 8.

46. Авиационный атташе доносил из Москвы, что к началу 1938 г. СССР располагал 5562 самолетами первой линии и мог оказать "действенную помощь другой стране, например Чехословакии" (2-е бюро штаба ВВС уточняло, что на своих западных границах СССР располагает 3220 самолетами (ibid., p. 899).

47. Правда, 14.II.1938; DDF. T. 9, p. 1026.

48. SHAT. 7N3123. Palasse a Coulondre, 18.IV. 1938, N 458/S.

49. Ср.: "Une inconnue serieuse pese sur la qualite de son haul commandement" ("Серьезной неизвестной величиной является качество ее высшего командования") (Паласе), "une grave inconnue pese sur la valeur actuelle de commandement" ("грозной неизвестной величиной является реальная ценность командования") (Кулондр).

50. DDF. T. 9, p. 390 - 393.

51. NEILSON K. "Pursued by a Bear": British Estimates of Soviet Military Strength and Anglo-Soviet Relations, 1922 - 1939. - Canadian Journal of History. Vol. 28. Aug. 1993, p. 210.
52. DDF. Т. 9, p. 589 - 590; Устав внутренней службы РККА, ст. 6.
53. National Archives and Records Administration. SD: 861.20/439.
54. См., напр., депешу Паласса Даладье от 21 марта 1938 г. (DDF. Т. 9, p. 20 - 21).
55. VAISSE M. Le perception de la puissance sovietique, p. 23.
56. COULONDRE R. Op. cit, p. 127.
57. Показательно, что не военный атташе, а посол сообщал о зависимости советской авиапромышленности от поставок моторов из США и Франции и анализировал (со ссылкой на сведения советника посольства!) в своем докладе уровень тактической подготовки советского командного состава.
58. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939 - 1941 гг. М. 1999, с. 98; SHAT. 7N3122. Renseignement "Revue sovietique, fin avril 1938"; см. также подготовленную атташе сводку советской прессы за июнь 1938 г. (ibid.).
59. SHAT. 7N3122. Renseignement, 20.VI.1938.
60. Ibid. Palasse au Ministre et EMA, 28.X.1938, N 509/S.
61. VAISSE M. Les militaires francais, p. 691.
62. Ibid., p. 697.
63. См.: HERNDON J.S., BAYLEN J.O. Col. Philip R. Faymonville and the Red Army, 1934 - 1943. - Slavic Review. Vol. 34 (Sept. 1975). Авторы благодарят биографа Фэймонвилла - Т. Джулиана, поделившегося с одним из них своими обширными знаниями.
64. VAISSE M. Le militaires francais, p. 697; CARLEY M.J. 1939: The Alliance That Never Was and the Coming of World War II. Chicago. 1999, p. 33.
65. См.: DULLIN S. Op. cit., p. 280.
66. См.: ВИНОГРАДОВ В. К. 1937. Показания маршала Тухачевского. - Военно-исторический журнал, 1991, N 8, с. 48.
67. VAISSE M. Le perception de la puissance, p. 24 (со ссылкой на записку начальника 2-го бюро Гоше от 28 декабря 1938 г.).
68. De LATTRE J. Ne pas subir: ecrits 1914 - 1952. P. 1984, p. 131 (курсив оригинала).

стр. 42

постоянный адрес статьи : <http://www.ebiblioteka.ru/sources/article.jsp?id=7008334>